

ОСМЫСЛЕННОЕ ВОСХОЖДЕНИЕ

Беляков Д. А. «Волшебная гора» Томаса Манна: от романа испытания к роману становления. Монография. М.: Флинта, 2019. 224 с.

Художественное наследие Т. Манна получило в первое десятилетие XXI в. необычайно яркую актуализацию в свете новых исследований в области сравнительного и прикладного литературоведения. Многолетний интерес писателя к психоанализу, мифологическим структурам бессознательного в контексте меняющегося времени и пространства требует от современного исследователя широкой научной оснащенности. В связи с этим исследование Д. А. Белякова — удачное соединение разных литературоведческих и лингвистических подходов, благодаря которым впервые в России поэтика «Волшебной горы» рассматривается в широком спектре жанровой природы романа сквозь призму открытий в сфере глубинной психологии.

Роман «Волшебная гора» был, как известно, этапным произведением для писателя — здесь и расставание с идеей бюргерского благополучия, и трансформация героя в контексте меняющегося/неизменного времени; тревожные предощущения надвигающегося кризиса цивилизации. Д. А. Беляковым удачно рассмотрена эволюция образа Г. Касторпа в русле его душевно-духовной жизни, физических трансформаций (болезнь / выздоровление) в привязке к изменению всей жанровой формы романа как подвижной семиотической структуры. Взаимодействуя друг с другом, эти изменяющиеся жанровые формы в романе не только генерируют развитие сюжета, но и участвуют в «сотворении» главного героя.

Детально проанализирован концепт «Bildung», смыслопорождающий в романе. Начиная от идей эпохи Просвещения, где в этом понятии видели процесс становления-созидания-образования, эстетически гармонизируя внешнее и внутренне начало в человеке (И. Г. Гаман, И. Г. Гердер, И. И. Винкельман), до его последующей трансформации «Entbildungsroman» — «роман антивоспитания» и перевоспитания («Umbildung») концепт

«Bildung» показан в русле раскрытия Самости главного героя.

В тесной взаимосвязи выявлены такие точки соприкосновения этого понятия с категорией «Bürgertum» — столь важной для понимания творческой эволюции Манна. Феномен бюргерства соединяется для писателя, с одной стороны, «с рядом бесспорных добродетелей: ответственностью, долгом, честностью, трудолюбием, верностью традиции. С другой — все творчество писателя изображает историческую обреченность «бидермайера», его нежизнеспособный консерватизм» — пишет Д. А. Беляков.

Покидая равнину (Flachland), Касторп порывает и с бюргерской психологией, здесь исследователь видит негативную коннотацию «flach» — «плоский, пошлый, поверхностный». Подобные лингвистические замечания в работе не редкость; так, весьма глубоко проанализирована этимология фамилий Лео Нафта (не только одно из названий нефти, но и ветхозаветное слово на иврите «Naphthali» — «бороться, спорить»), Пепперкорн и других.

Для Т. Манна интерес к глубинной психологии был на протяжении всей жизни связан и с понятием мифа, как принципа познания сакральной природы человеческого бытия. Именно этим были продиктованы его обращение к истории Иосифа Аримафейского, активная переписка с Карлом Кереньи, где нередко велись споры о понимании мифа в современном мире, наконец, элементы включения собственного автомифа в «Моей автобиографии», в романе «Лотта в Веймаре». По этой причине весьма естественно выглядит обращение и идеям и терминам К. Г. Юнга в процессе анализа эволюции сознания главного героя — энтропии бюргерства и переходу к символически-художественному познанию Вселенной (пока в масштабе Волшебной горы).

Следует отметить, что удачным и оригинальным исследовательским сюжетом работы Д. А. Белякова является рассмотрение образа автора в романе, где не только оцениваются приемы авторской техники (замена претерита презенсом, временные и пространственные уплотнения), но и его отношение к герою и шире — как нам представляется — смена авторской маски, с иронично-отстраненной на очень схожую с самим Гансом Касторпом. Автор если и не «вживается» в него (по словам Д. А. Белякова) то, несомненно, сближается с его мировоззрением, сопереживая ему, как бы растворяясь в нем. Здесь совершенно верно подмеченное фабульное и сюжетное завершение романа не ставит, однако, точки

в судьбе Ганса Касторпа. Он спускается с горы в ту пору, когда на Земле бушует война. Какова его дальнейшая судьба? Человек, получивший практически сакральное, герметическое знание, оказывается вновь перед лицом хаоса и катастроф, герой, по словам самого автора, стоит на рубеже и перед поворотом.

Писатель, практически одновременно с Юнгом, обращается на страницах своего романа к анализу *реальности* коллективного бессознательного, включается в ролевую игру, сам постоянно обнаруживая себя на страницах произведения. В связи с этим весьма любопытно упомянуть парадокс, на который указывает Д. А. Беляков: писатель ищет встречи с Юнгом, вступает в переписку, получает от швейцарского психоаналитика ряд работ, а спустя много лет, в 1954 г. неожиданно заявляет: «Я никогда не читал Юнга». Что это как не аберрация памяти, остроумно названная Патриком Зюскиндом как «*amnesia in litteris*» (полная потеря литературной памяти)?

Анализируя основные образы романа, Д. А. Беляков неизбежно обращается к теории архетипов. Насколько это оправданно? Не называя этот термин, Манн в своих статьях часто говорил о сакрально-типическом, вечно-повторяемом, имеющем глобальные обобщения в коллективном сознании человечества. Юнгианский подход при оценке романа, таким образом, чрезвычайно продуктивен, в его русле исследуется мотив перерождения, возникший из категории «*Entbildung*», становление нового психологического типа. Ярко и интересно воссоздана роль «перевоспитателей» главного героя — Эвина Кроковского, доктора Беренса и голландца Пепперкорна. Весьма точно атрибутируемый прием Т. Манна — нарративный эллипсис — создает действительно богатую палитру недомолвок, дополнительных смыслов и созвучий. И если мадам Шоша как олицетворение «Вечно Женственного» ведет Ганса в глубины бессознательного, то Кроковский и Беренс — своего рода *аналитическое* оправдание его психологических блужданий в бессознательном. Убедительно показано расширение, «диалогизация» сознания Г. Касторпа (в эпизодах с Пепперкорном).

Вершиной духовной трансформации героя и проявления процесса его индивидуации становятся не только прослушивание граммофона, но и знаменитый эпизод «Снег», который анализируется в пятой главе «От романа перевоспитания к роману ста-

новления», когда «запланированная в оздоровительных целях лыжная прогулка оборачивается духовным перерождением героя». Личность Касторпа выкристаллизовывает в процессе индивидуации свою Самость — повествование романа «переходит в иной регистр». Обоснована и глубоко проработана у Д. А. Белякова идея распределения архетипов по героям повествования: архетип Персона — Сеттембрини, архетип Тени — Нафта, Анима — Клавдия Шоша, Пепперкорн — Мудрый Старец. Эти конструкты, укореняясь в сознании/подсознании главного героя, также пробуждают его Самость.

Облик героя, по словам самого Манна, существует «в пространстве большого исторического времени». В подобном же контексте понимается и весь роман «Волшебная гора» в указанной монографии, которая может служить и наглядным пособием при анализе психологических и лингвистических аспектов творчества писателя, давая понять парадоксальную мысль, которая ярко мерцает в тексте Томаса Манна: наше читательское восхождение на Волшебную гору есть путь погружения в глубины собственного сознания.